

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

УДК 821.161.1

А.В. Давыдова**Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
163002 г. Архангельск, Российская Федерация**

Образ деревни в Северном тексте русской литературы начала XXI века для детей

Аннотация. Статья является частным этапом изучения Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста. Цель автора – анализ образа северной деревни в произведениях для детей современных писателей: А. Ломковского, О. Бундура, И. Богатыревой, С. Востокова. Отталкиваясь от художественной специфики Северного текста как локального сверттекста, автор руководствуется интегративным принципом в исследовании произведений, совмещающим различные виды литературоведческого анализа (мотивный, системно-семантический, мифопоэтический, хронотопический), а также, выявляя различные тенденции изображения северной деревни в современной детской литературе, обращается к сравнительно-сопоставительному методу. Проведенный анализ показал, что подходы к воссозданию образа северной деревни в произведениях для детей современных писателей различаются в зависимости от той позиции, которую сам автор занимает по отношению к Северу, жанровых особенностей произведений и тех художественных и воспитательных задач, которые ставят перед собой авторы. Писатель-северянин (А. Ломковский) поэтизирует деревню, противопоставляя ее городу, изображает как средоточие нравственных, семейных, национальных традиций, как живой и родной мир. Писатель, долго живший на Севере (О. Бундур) и принявший его как вторую родину, в жанре художественного учебника стремится показать связь деревенской традиции и городского настоящего Севера. Авторы, долго не жившие на Севере (И. Богатырева, С. Востоков), воспринимают деревню как пограничное пространство, которое для них является средоточием истинной жизни, обнажающей национальные, духовные, нравственные основы человеческого бытия, полуреальный и несколько экзотический мир. Существование в современном Северном тексте русской литературы для детей различных подходов к воплощению образа деревни свидетельствует не только о том, что этот образ вызывает живой интерес у писателей, которые переосмысляя его, возвращаются к традициям отечественной литературы, но и о том, что названный региональный сверттекст через детский текст воспринимает актуальные тенденции современного литературного процесса.

© Давыдова А.В., 2024

Ключевые слова: современная русская литература для детей, Северный текст, образ северной деревни в литературе, писатель-северянин, традиции отечественной литературы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Давыдова А.В. Образ деревни в Северном тексте русской литературы начала XXI века для детей // Литература в школе. 2024. № 6. С. 53–68.
DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

A.V. Davydova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

The image of the village in the Northern text of Russian literature for children of the beginning of the 21st century

Abstract. The article is a special stage in the study of the Northern text of Russian literature for children as a subtext of the Northern text. The author's goal is to analyze the image of the northern village in modern writers' works for children: A. Lomkovsky, O. Bundur, I. Bogatyreva, S. Vostokov. Based on the artistic specifics of the Northern text as a local supertext, the author is guided by an integrative principle in the study of works that combine various types of literary analysis (motivational, system-semantic, mythopoietic, chronotopic), and also, identifying various trends in the image of the northern village in modern children's literature, refers to the comparative method. The analysis showed that approaches to recreating the image of the northern village in modern writers' works for children differ depending on the position that the author him/herself takes in relation to the North, the genre features of the works and the artistic and educational tasks that the authors set to themselves. The writer-northerner (A. Lomkovsky) poetizes the village, contrasting it with the city, portrays it as the centre for moral, family, and national traditions, as a living and native world. The writer, who lived in the North for a long time (O. Bundur) and accepted it as their second homeland, seeks to show the connection between the village tradition and the urban present of the North in the genre of an art textbook. Authors, who have not lived in the North for a long time (I. Bogatyreva, S. Vostokov), perceive the village as a border space, which for them is the centre for true life, exposing the national, spiritual, and moral foundations of human existence, a semi-real and exotic world. The existence of various approaches to the embodiment of the image of the village in the modern Northern text of Russian

literature for children testifies not only to the fact that this image arouses interest in writers, who, rethinking it, return to the traditions of Russian literature, but also that the Northern supertext, through the children's text, perceives current trends of the modern literary process.

Key words: contemporary Russian literature for children, the Northern text, the image of the northern village in Literature, a writer-northerner, traditions in domestic literature

CITATION: Davydova A.V. The image of the village in the Northern text of Russian literature for children of the beginning of the 21st century. *Literature at School*. 2024. No. 6. Pp. 53–68. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-6-53-68

В последние годы у отечественных филологов живой интерес вызывают региональные сверхтексты. Так, Д.В. Ларкович, анализируя творчество Д. Айпина, С. Козлова, В. Матвеева и других писателей, пытается обосновать понятие «югорский текст» и выделяет такие его черты, как «идеологическая вариативность и внутренняя противоречивость» [11, с. 40], обусловленные «его полиэтнической и поликультурной природой» [Там же]. Широко исследуется Сибирский текст в работах Т.А. Богумил, А.С. Янушкевича, А.А. Ревякиной, В.И. Тюпы и др. К проблеме обоснования Волжского текста обращается К.И. Морозова («Волжский текст: по течению к определению» [17]); Дальневосточного – В.О. Авченко («Дальневосточный текст А.С. Пушкина» [1]); Кавказского – В.И. Шульженко («Дискурсионная классификация “Кавказского текста”» [21]) и др.

Большой вклад в формирование теории локального сверхтекста внесены исследователями Северного текста русской литературы. Его определение было сформулировано в трудах Е.Ш. Галимовой: «...создававшийся на протяжении длительного времени (вопрос о времени начала его формирования остается открытым и активно исследуется в настоящее время)

в творчестве многих русских писателей особый северорусский вариант национальной картины мира, точнее мифопоэтический образ северорусского мира, наделенный наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [7, с. 21].

Сегодня апробирование методологии анализа Северного текста и изучение его частных особенностей проводится в трудах целого ряда исследователей. Так, вспомним статью О.В. Пospelовой «Образ “полуночного солнца” в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина», в которой рассматривается «емкий, амбивалентный, обладающий особой мифопоэтической символикой» [19, с. 131] образ белой ночи в произведениях, которые, по мнению автора, составляют ядро Северного текста. В работе В.Н. Матониной «Образы “движения” и “цели” в Северном тексте русской культуры» изучаются мифологические «концептуальные основы антропологии движения», «основанные на идеях перехода и Преображения» [15, с. 221]. О том, что «Русский Север предстает как мифологическое пространство, в котором человек выступает как культурный герой

мифа» [16, с. 420] пишет А.А. Митрофанова. К мифопоэтическому характеру образа Севера выходит при анализе топонимов и гидронимов в поэтическом Северном тексте А.В. Петров [18]. «Мифологизм» как один «из пространственных аспектов» «многопланового лингвокультурного концепта “Русский Север”», соотнесенность с которым является «главным признаком» Северного текста, отмечает А.Г. Лошаков [13, с. 48]. Другой важнейший признак регионального сверхтекста исследователь видит в «наличии единой прагматической (сверхсмысловой) установки: утверждение прочно связанных с Русским Севером, его судьбой традиционных высших смыслов и ценностей» [Там же].

Подходы к определению структуры Северного текста как регионального сверхтекста, на наш взгляд, могут быть различны. Помимо локального геопоэтического принципа, который предполагает выделение в структуре Северного текста более частных, местных субтекстов (Печорского, Мезенского, Арктического, Архангелогородского и др.), подобное разделение может проводиться и на другом основании в контексте расширенного понимания художественной природы сверхтекста. Мы полагаем, что наряду с субтекстом для взрослых читателей можно выделять субтекст Северного текста русской литературы, ориентированный на читателя в возрасте до 18 лет. Он, на наш взгляд, будет обладать всеми формально-содержательными характеристиками «материнского» текста, а также иметь ряд специфических особенностей, связанных с читательским адресом. Художественная картина мира, складывающаяся в произведениях Север-

ного текста русской литературы для детей, требует тщательного изучения и состоит из обширного ряда взаимосвязанных образных и мотивных элементов, формирующих в итоге самобытный образ Русского Севера. Одним из таких частных элементов является образ северной деревни.

В последние годы в современном детском тексте русской литературы все чаще появляются произведения о деревне. Можно вспомнить повесть Э. Веркина «Осеннее солнце» (2019), сборник К. Арбенина «Как я подружился с летом. Из дневника сказочника» (2022), произведения С. Востокова «Зимняя дверь» (2011) и «Рябиновое солнце» (2013), его книги «Печной волк» (2021) и «Фрося Коровина» (2016), повесть А. Константиновой «Пустодомка» (2022) и др. Детские писатели, как и прежде, позиционируют деревенское детство как некую антитезу детству городскому. Деревня предстает миром естественной жизни, близкой к природе, часто таинственной и всегда национальной, кровно связанной с народной, традиционной жизнью. Если в произведениях для взрослого читателя авторы не скрывают социальных, экономических и нравственных проблем в существовании современной деревни, то писатели детские, напротив, идеализируют ее образ.

Поскольку Северный текст русской литературы для детей находится на границе двух сверхтекстов – детского и Северного – необходимо вспомнить, что в Северном тексте русской литературы образ деревни всегда занимал важное место в художественной картине мира. В целом ряде произведений для детей северная деревня находится в центре повествования: А. Петухов «Сить –

таинственная река» (1975), П. Лысков «Суровая осень» (1967), Н. Жернаков «Поморские ветры» (1964), Г. Аксенов «Бажонный» (1995) и др. Поэтому можно говорить о том, что у современных произведений для детей о северной деревне существует обширная предшествующая литературная традиция.

Задачами предпринятого исследования являются рассмотрение образно-смысловых характеристик, которые получает образ северной деревни в произведениях современных писателей, предназначенных для детского чтения, выявление индивидуально-авторских и типологических особенностей в решении этого образа.

Теоретическая значимость исследования состоит в апробации методики комплексного анализа произведений Северного текста русской литературы для детей как субтекста Северного текста и репрезентации малоизученного в современной филологической науке художественного материала.

Практическая значимость исследования в том, что полученные результаты могут быть использованы для продолжения изучения не только Северного текста русской литературы как регионального сверхтекста, но и детского текста.

Материалом для анализа послужили произведения современных русских писателей, в которых возникает образ северной деревни: повести А. Ломковского «Я – Абакшин!» (2009), О. Бундура «Лабиринт» (2017), С. Востокова «Прокопий Капитонов» (2020) и роман И. Богатыревой «Белая Согра» (2020). Специфичность Северного текста диктует и особый интегративный подход к его рассмотрению, предполагающий сочетание системно-

семантического, мотивного, хронологического, мифопоэтического методов анализа. Обобщение тенденций в художественном восприятии образа северной деревни в современной литературе для детей потребовало также обращения к сопоставительному методу.

Современные писатели создают различные смысловые варианты образа северной деревни в своем творчестве, их специфика зависит от жанра произведения, художественного метода автора, воспитательных и эстетических задач, которые он перед собой ставит, а также от того, с какой позиции он смотрит на мир северной деревни: является ли северянином по рождению, человеком, долгое время живущим на Севере и воспринимающим его как свою вторую родину, или сторонним наблюдателем. В рассмотренном нами корпусе текстов к первой группе можно отнести повесть вологодского писателя А. Ломковского «Я – Абакшин!»; ко второй – повесть О. Бундура, долгое время прожившего в г. Кандалакша, «Лабиринт»; к третьей – произведения С. Востокова «Прокопий Капитонов» и И. Богатыревой «Белая Согра». Рассмотрим подробнее особенности образа северной деревни в каждой из названных групп.

Образ деревни в повести А. Ломковского «Я – Абакшин!» включается в смысловую оппозицию «город – деревня», что сближает текст с произведениями деревенской прозы второй половины XX в. Автор рассказывает о том, как сироту Мишку Абакшина далекий от него отец забирает в город, отрывает от родной деревни и любящей бабушки по матери, от друзей. Герой в финале сбегает от жестокого отца, чтобы вернуться

домой. Для мальчика это не просто шалость или желание досадить обидевшему его человеку, это серьезный нравственный выбор, который, может быть, определит всю дальнейшую его жизнь.

Образ родной деревни Мишки и ее окрестностей выписан в повести подробно: «...в их деревне Высокое было всего три дома: его – Мишки Абакшина, Кошкиных и Цифирихи... До Большого Двора надо идти четыре километра, а в другую сторону – до Мошкина – пять. В Мошкине домов было побольше – девять. А уж в следующей после Мошкина деревне Крутихе было больше двадцати домов, потому что там была молочная ферма. Но школа все равно была только одна – в Большом Дворе» [12, с. 57]. Мир Мишки до отъезда в город – жизнь его деревни, людей и окружающего их природного космоса.

Герой вместе с другом Валеркой Кошкиным и сестрами последнего – Тонькой и Наташкой – не видит разницы между природным и человеческим бытием, настолько они слиты в деревенской жизни. Для них рыбалка на реке Долговке, походы в лес за ягодами – не просто ребячье удовольствие, а неотъемлемая часть их обычной жизни. Мишка окружен природной красотой и интуитивно чувствует ее. В тексте события излагаются от третьего лица, но писатель часто использует прием субъективации авторского повествования, тогда многочисленные пейзажи, характеризующие место действия и передающие настроение, становятся результатом непосредственного восприятия ребенка: «А за окном прямо с утра творилось что-то невообразимое. Солнце било с неба мощной стоваттной лампой, и радостно орали воро-

бы. Снег, в большинстве своем, стоял. Кое-где еще лежали большие снежные заплаты, но они серели и съеживались прямо на глазах. Мимо отводка валеркиного палисадника торопливо бежал ручеек...» [Там же, с. 63].

Эта внешняя гармония рождает согласие между людьми: соседи живут не просто дружно, но почти по-семейному. Баба Валя и Валерку считает своим внуком, а Кошкины к Мишке относятся, как к родному. Даже враги в этом мире быстро становятся друзьями (история примирения героев с их обидчиком Сашкой Малованиным). Гармонией характеризуются и отношения людей и животных: жуткий Полупес соседки Цифирихи – местная достопримечательность, он по-своему любим детьми; кот Васька стойко выносит привязанность маленьких Наташки и Тоньки; дядя Саша – отец Валерки – за важное дело считает вместе с ребятами смастерить, а потом привесить на березу так, чтобы Васька не добрался в «птичий дом»; воплощением давней мечты Мишки становится щенок Робин.

И, наконец, эта окружающая гармония рождает в душе Мишки художника. Это проявляется не только в его любви к рисованию, но и в романтической тяге к путешествиям. Он запомним читает «Робинзона Крузо» Д. Дефо, увлеченно рисует карту родной местности, мечтая однажды увидеть большой мир. Однако важно, что начинает он этот путь от порога родного дома.

Дом для Мишки – это его семья. Почти с первых страниц повести автор вводит мотив сиротства: мать героя умирает от простуды, когда мальчику было три года. Образ матери Мишки в повести природен («...помним ее в простом выгоревшем платье,

догоняющую его по усеянному ромашками и одуванчиками лугу. И еще ее теплые пахнущие солнцем и скошенной травой, ласковые мягкие руки» [12, с. 57]), она словно воплощает в себе солнце, чей свет разлит в тексте в летних и весенних пейзажных зарисовках. Мать заменила Мишке бабушка Валя. Ее образ близок к литературному типу старухи, созданному писателями-деревенщиками. Так северная деревня в повести устойчиво соотносится с женским, материнским началом, тогда как город с началом отцовским, мужским.

А. Ломковский не дает абсолютно отрицания северной Вологды, хоть город и явно противопоставляется в контексте повести деревне. Вместо привольных сельских пейзажей – старый тополь у дома; вместо размеренной, несуетливой жизни – людской «муравейник»: «Сидя на кухне и открыв окно, он подолгу смотрел с высоты четвертого этажа во двор... Очень много народа. И это только в их дворе, который по городским меркам не очень велик – всего-то два дома» [Там же, с. 76]. Вместо родного дома с собственной комнатой-миром – коммуналка, где «соседи постоянно затевают между собой скандалы и визгливо ругаются, а через пять минут, глядишь, снова сидят вместе и мирно толкуют» [Там же]. Вместо матери и бабушки – тетя Оля, хорошая, но чужая.

Стирают резкое противоречие между городом и деревней в сознании героя только люди, способные понять Мишку, полюбить его, помочь ему. А. Ломковский использует прием зеркального построения системы образов. В городе Мишка обретает новых друзей, образы которых явно соотносятся с его деревенским окру-

жением: соседка Лерка – с Валеркой Кошкиным; Вениамин Сергеич Торопилов – сосед Мишки, краевед, педагог – с бабушкой Валей; обижавшие его поначалу мальчишки Ваня и Витка – с Сашкой Малованиным. Дружба с ними убеждает героя, что родная ему с детства гармония в человеке и мире не утрачена навсегда.

Повесть О. Бундура «Лабиринт» представляет собой своеобразный художественный учебник по краеведению, в котором через каменный лабиринт, ставший временным порталом, главный герой Дима попадает в древнюю деревню Кандалакша. В финале в главе «Спасение и...» лабиринт, который Димитрий, спасшийся от шторма, находит на одиноком берегу, вновь актуализирует семантику портала в другой мир: проходя к его центру, Димитрий, смутно припоминая, что это уже когда-то было с ним, возвращается домой, что и становится развязкой сюжета. О. Бундур выбирает условную мотивировку событий, так до конца и не объясняя, было ли путешествие героя сном или явью.

Круговое замкнутое движение по лабиринту реализует принципы мифологического хронотопа. Таким маленьким замкнутым миром, отдельным, лежащим в центре вселенной автора и героя, становится в книге Кандалакша – деревня, с которой ведет начало древнее поморское поселение на берегу Белого моря. Образ современного города дан конспективно, штрихами, энциклопедично: «С одной стороны у нас Белое море, точнее Кандалакшский залив Белого моря. Но залив огромный – в длину 185 километров и ширину в 7 километров. По заливу могут проходить большие корабли... А с другой стороны река Нива... Со всех сторон

город окружают сопки и леса» [5, с. 2]. Описание современной Кандалакши помогает автору подчеркнуть вне-временные, вечные черты северного мира: белые летние и долгие полярные зимние ночи, наводнения «в начале лета»; «и опять же в начале лета из Баренцева моря в более теплое Белое на нерест устремляются косяки селедки-беломорки» [Там же, с. 4]. Эти природные законы тоже связуют времена, вписывают настоящее в вечный круг жизни.

Образ древней Кандалакши, определяющий внутренний сюжет повести и развивающийся с шестой главы «Утро» по тридцать пятую «Спасение и...», напротив, очень подробен. Автор сосредотачивает свое внимание на деталях обстановки быта, повседневных занятий поморов и отдельных топосах, причем последние описываются в контексте хозяйственной деятельности северян. Так, образ моря в главе «Селедка» связан с рыболовным промыслом, поэтому автор не делает акцент на описаниях морского пейзажа. Образ северной реки Нивы также появляется в тексте в связи с мотивом ловли семги. В контексте поморского промысла – добывания жемчуга – возникает образ ручья Жемчужного (главы «Жемчуг», «Искатели жемчуга»). Образ северного луга возникает в эпизоде сенокоса; болота – в связи с мотивом сбора морошки. Автор избегает пространных пейзажных описаний, на первое место помещая мотив поморского труда.

Центром мира для Дмитрия становится крестьянская изба, образ которой появляется в главах «С мамкой», «Дела хозяйственные», «Про нашу печь» во множестве предметно-бытовых деталей. Но, думает-

ся, важнее смысловая связь образов дома и семьи. Примечательно, что у Бундура семья – это тоже предмет для сопоставления прошлого и настоящего. Отсутствие отца в жизни ребенка мотивируется по-разному: в прошлом – занятостью на промысле, в настоящем – делами, работой, которые вполне можно отложить ради родного человека рядом. Для сравнения автор приводит историю друга Димы Гришки: в современности отец бросил семью, уехав на заработки в Санкт-Петербург, а в прошлом – отец погибает на промысле во льдах Арктики.

В главах о прошлом Кандалакши образ отца так и не возникает, хотя вся семья волнуется за него, ожидает кормчего с промысла. Центральными становятся отношения Дмитрия и деда Михея. Он для мальчика – не просто родной человек, которого ребенок любит, он прежде всего передает внуку бесценный опыт, учит достойно жить и выживать в суровом мире. Именно от деда и матери Дмитрий воспринимает не только знания, но и веру. Христианские мотивы становятся устойчивыми в тексте; герои в своем каждодневном труде надеются на Божью помощь: «А без Бога – не до порога!» [Там же, с. 34]; «Не бей стола! – Серьезно сказал деда. – Стол – Божья ладонь, на него хлеб и соль кладут» [Там же, с. 37] и др. С другой стороны, в главах, где героем является Дмитрий, возникает ретроспектива прошлого времени в рассказах деда, его воспоминаниях о собственной жизни, типичной для помора-промысловика (мотив арктической робинзоны в главе «Зимовка»). Передавая особенности взаимоотношений в поморской семье, О. Бундур отмечает, что дед

и мать Дарья часто хвалят послушно-го и понятливого Димитрия, проявляют нежность к нему. Думается, это все-таки индивидуально-авторское отношение к герою, несколько отличное от сдержанных и суровых нравов, бытовавших в поморских семьях.

Третью группу произведений представляют тексты, авторы которых долго не жили на Севере, но отразили свои впечатления в художественных произведениях. Несмотря на то, что индивидуальный опыт знакомства с северной деревней у каждого из писателей свой, можно выделить некоторые общие закономерности ее изображения в их книгах. В качестве примеров рассмотрим роман И. Богатыревой «Белая Согра» и повесть С. Востокова «Прокопий Харитонов».

В первом главная героиня Жу – четырнадцатилетняя Женя, тяжело переживающая смерть матери, отчужденность отца и неприятие сверстников, страдающая душевной болезнью (девочка придумывает себе брата, постепенно начинающего вытеснять ее личность), попадает в северную деревню Согрино к старухе Манефе Феофановне. Автор не указывает точного расположения поселения, поэтому нельзя однозначно связать его образ с образом какой-то реально существующей деревни (в Архангельской области известна только деревня Согра, расположенная на правом берегу Пинеги, к юго-востоку от Архангельска и северо-востоку от Верхней Тоймы). Видимо, это неслучайно, поскольку И. Богатырева стремится создать некий обобщенный образ северной деревни, затерянной в бескрайних лесах и болотах.

При этом образ деревни вполне конкретен. В главе «Хвостик» Жу

забирается на колокольню местной церкви и видит, что Согрино входит в «куст деревень», расположенный на четырех холмах. В его описании очевидна градация: от светлого к темному. Палкино, «деревня колдунов» [4, с. 248], которое не раз упоминают герои как место, в окрестностях которого растет волшебная «травина», помогающая отыскивать пропавших людей и в которое Жу отправляется во второй части книги, изображается как самое темное и глухое.

Символично также, что пространственным центром становятся церковь и река с перекинутым через нее мостом. Первая воплощает силу христианской веры, а вторая в мифопоэтическом подтексте романа выступает как древний языческий символ жизни и смерти, вечного течения, обновления бытия. Так, образ церкви в романе связан с образом старухи Альбины, которую местные мальчишки дразнят ведьмой и которая сама признается, что лечит людей молитвой. Она и Жу учит самой простой молитве («Господи, прости и помоги» [Там же, с. 197]), внутренним зрением ощущая, болезненное состояние девочки (неслучайно героине в первой части романа кажется, что Альбина видит ее «брата»).

Образ реки (вероятно, Пинеги) наделяется сакральными функциями. Местные «знаткие» люди активно используют ее воду для совершения сакральных обрядов, а в финале принявшая себя и принятая миром Севера Женя с наслаждением купается в водах реки, перерождаясь, возвращаясь к самой себе, возвращаясь в мир, который стал ей домом: «Вода принимает ее такой, какая есть. Худой, долговязой, сутулой. Бритой, ушастой. Некрасивой... несчастной

и счастливой... Жу стоит посреди реки – сама себе тростник, сама себе течение... Наплаваться, наныряться, а потом уже выйти – новым человеком, другим. Еще неизвестным, родившимся только сегодня. С собой» [4, с. 284].

У С. Востокова образ Севера в произведении формирует прежде всего образ вымышленной деревни Кочки, которая располагается в реально существующем месте: на берегу Палозера в 60 км к югу от города Северодвинск, соединенного с последней узкоколейной Кудемской железной дорогой. Действительно, последней станцией на пути следования поезда по этой дороге обозначена станция Палозеро, а ей предшествует – Белое Озеро, где, по сюжету, живет большая многодетная семья главного героя повести С. Востокова. Кроме того, упоминает автор Архангельск, Холмогоры, Архангельскую область. Такое точное указание на реальную топонимику ставит под сомнение в восприятии читателя нереальность других упомянутых в тексте географических объектов: ручья Пахучего, который впадает в Палозеро, соседней с Кочкой деревни Ямки, лесного ручья Котелок. То есть С. Востоков играет с читателем, создавая полуреальный-полувымышленный образ северной деревни.

Важной особенностью обоих текстов является стремление авторов создать образ северной деревни и Севера в целом как пограничное пространство.

Так, упомянутое выше купание героини в реке в романе И. Богатыревой сродни ритуалу, по семантическим функциям сходному и с языческой инициацией, и с христианским крещением. Эта многозначность сов-

сем не случайно задается автором: мир Белой Согры – воплощенный мир фольклорного сознания, для которого характерен синкретизм христианского и языческого, реального и потустороннего. Так, жители Согрино верят в домовых и леших. Манефа Феофановна, узнав о страшном сне Жу, в котором Хозяин душил девочку (устойчивый в северорусских фольклорных быличках сюжет о домовом), спешит окропить дом святой водой, читая при этом языческий заговор: «Дедушко-соседушко, не с гордостью, а с великой покорностью, прими рабу Божью...» [Там же, с. 237]. Леший – Согрянной Хозяин, который помогает девочке выжить в лесу три дня, кормит ее сушеными ягодами клюквы и в итоге выводит к людям, похож на старика и носит сапоги. В этом мире христианский Бог и языческие духи не мешают друг другу, а сосуществуют. В северной деревне человек словно существует на границе двух миров, реального, обыденного и потустороннего, поэтому для ее жителей почти как норма воспринимаются истории о том, как люди призывают с помощью слова или волшебного предмета (например, «травинь») на помощь Согрянного Хозяина. Слово обладает для них особой силой и заключает в себе знание, способное менять судьбу человека (можно послать к лешему, и другой встретится с ним вживую), возможно, поэтому многие северяне немногословны. Для них жизнь и смерть – две стороны бытия, поэтому так спокойно деревенские говорят о собственных пережитых потерях.

Героине сначала странным и смешным, а потом нормальным, отражающим суть мира северной деревни кажется то, что мир этот – единство

противоположностей: «Где растет из воды заветная травина – дворовая трава, лешогон. Бери не голой рукой, не в одежде, не передом, не задом, не мужиком, не бабой, сама разлаписта, дудка гола, листья широко. И цветки красные, белые таки цветочки. Вырвешь с корнем – и беги, не оглядывайся... А как возьмешь, заверни во что... и ложи за икону, да в дом не вноси, не в мшаной постройке, а то силы не будет...» [4, с. 264]. Из сочетания, казалось бы, несочетаемого, бессмыслицы рождается сказочный мир (ср. фольклорные варианты мотива-перевертыша «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»).

На единстве противоположностей создаются и образы деревень Кочка и Ямки в повести С. Востокова. Описание первой в тексте дается конкретно и обобщенно одновременно. В Кочке 13 домов и 33 человека. Прокопий показывает своему другу козлу Кузе «местные достопримечательности: клуб, сельсовет с флагом Архангельской области и Российской Федерации, а также ручей Пахучий» [6, с. 36]. Кочка, казалось бы, типичная русская деревня. В то же время автор отмечает, что в ней соседствуют прошлое и настоящее. Так, например, жители Кочки хранят память о приезде к ним Петра Первого, который однажды у них заночевал, а после подарил свой серебряный столовый прибор. Связь прошлого и настоящего проявляет себя и в интерьере деревенских домов. Например, таким видит Кузя дом Евдокии Терентьевны «на Полевой улице» [Там же]: «недавно побеленная русская печь, крепкий стол со свежей клетчатой клеенкой и чисто выскобленные лавки. Это была самая старая изба в деревне.

Ее построили предки мужа Евдокии Терентьевны еще при Петре Первом! Конечно, за прошедшие триста лет кое-что изменилось. Появились новая шиферная крыша, электроплитка и холодильник... пришлось поменять заросшие мхом нижние венцы...» [Там же, с. 37].

Еще одна смысловая оппозиция, помогающая писателю создать образ северной деревни, – «сказка – реальность» / «сон – явь». Однако, называя свое произведение повестью-сказкой, С. Востоков не так однозначен в восприятии чудес на Севере, как И. Богатырева. Используя прием иронии, он описывает фольклорные представления северян. Так, автор создает образ Степана Колдунчика – пастуха из деревни Ямки, к которому председатель отправляет Прокопия перенимать опыт. Острый на язык весельчак Степан называет себя колдуном, которому помогают особые пастушеские боги «Сенька да Бренька» [Там же, с. 21]: «На посохе сидели две фигурки. Обе были в моховых шубках и в шапочках из листьев... Кажется, у них даже имелись небольшие хвостики» [Там же, с. 24]. Они «глядели с посоха в разные стороны и неслышно играли на маленьких дудочках» [Там же].

Автор предлагает двойную мотивировку появления этих персонажей: с одной стороны, на Севере чудо сосуществует с реальностью, а внимательный наблюдатель может увидеть его; с другой – вводится мотив сна: Прокопий «удивлялся, удивлялся, а потом проснулся» [Там же]. Снимает «чуждость» ситуации и поведение самого Колдунчика, который утверждая, что «работа пастуха тяжелая и трудная» [Там же, с. 23], «расстилат на траве куртку, ложится и спит почти весь

день» [6, с. 23]. Ироничным снижением художественной ситуации становится и образ «скотовода» козла Кузи, умеющего ходить на двух ногах и разговаривать с помощью рогов. Провокационная замена Колдунчиком ведущей стадо коровы на козла, который станет лучшим другом и учителем Прокопия, создает в повести некий сатирический подтекст, подчеркивая отстраненность автора от экзотического для него северного бытия.

Интересно, что специфику последнего оба автора ощущают через особенности северорусского говора. И. Богатырева воспроизводит его диалектную самобытность в речи жителей Согрино. А.С. Востоков обращает особое внимание на «поморскую говорю». Писатель в качестве Приложения к повести приводит «Словарик некоторых поморских слов». Кроме того, его герои, жители северных деревень, как бы намеренно используют диалектную лексику, значения которой автор объясняет по ходу повествования: «большак – хозяин» [Там же, с. 11], «целый костер – много» [Там же, с. 58], «порато – очень» [Там же, с. 12] и пр. Правда, трактовка некоторых слов, приведенная в повести, спорна. Например, Андрониха Вову и Гошу, горожан, приехавших в Кочку, называет «бажонные» [Там же, с. 56]. Это определение С. Востоков трактует как «незнакомые, но уважаемые люди» [Там же], хотя в Архангельском областном словаре находим такие варианты его значений: «“бажонный”/“бажоной”»:

1. Милый, дорогой, желанный... (в знач. сущ. Ласковое обращение к человеку).
2. Избалованный, изнеженный. Ср. бажонной, баловной.

3. Достойный сожаления, бедный, несчастный»¹.

Интересно, что изъясняются на северорусском говоре в обоих текстах прежде всего представители старшего поколения – деревенские старики и старухи, которые являются хранителями традиций. У С. Богатыревой рядом с ними Жу отогревается душой и находит в себе силы переродиться заново, почувствовать утерянную гармонию. Север она принимает именно через этих людей, рядом с ними девочка впервые ощущает себя дома и чувствует себя плывущей в лодке по течению реки: «Облака уже белые, уже без дождя, клубятся над озером, над лесом, и небесное золото играет у них в брюхе. Жу знает, это свет Лизаветы Ивановны. Свет и тепло. Тепло и свет. Лизаветы Ивановны, Манефы Феофановны, тети Вали, тети Маруси, пасечника с женой и Александра Ивановича, всех старушек и старичков, свет долгих жизней и морщинистых рук» [4, с. 262]. Для Жу, талант которой «слушать и наблюдать» [Там же], этот свет – лекарство и успокоение, и вот уже мир не кажется ей темным и страшным, и чужим. Поэтому, думая, как сформулировать просьбу Лешему, она в итоге выбирает самое важное для нее, и в общем-то уже сбывшееся желание: «Царь лесной. Леший Согряной. Верни меня домой» [Там же, с. 279].

В повести С. Востокова, старики, живущие в северной деревне, прямые, щедрые, открытые и наивные, а потому не защищенные от зла (Вова и Гоша украли подарок Петра Первого). Их жизнь подлинная, а поэтому нескучная, удивляющая, наполненная

¹ Архангельский областной словарь. Вып. 1. (А – Бережок) / под ред. О.Г. Гецовой. М., 1981. С. 91.

трудом физическим и духовным (в своем втором посте Прокопий рассказывает об отце Флоре, настоятеле Ямкинской церкви, который снимает со звонницы и с мылом моет каждую неделю колокол; в этом ему помогают недюжинная физическая сила и молитва). Это жизнь гармоничная, в которой человек может создавать красоту (приезжие Вова и Гоша восхищаются домом Егора Ваныча, который «даже на стенах вырезал узоры, а на водосточные трубы надел сделанные из жести короны» [6, с. 60]) и видеть ее в окружающем мире. Неудивительно, что красота этого мира, проявляющаяся прежде всего в обаянии человека, заставляет в него влюбляться, очаровывает (Вова и Гоша в итоге решают остаться в Кочке, учатся быть пастухами и прославляют теперь уже свою деревню как блогеры).

Произведения С. Востокова и И. Богатыревой, решающие такие разные художественные задачи, тем не менее сближаются в авторском восприятии северной деревни как мира подлинной жизни, естественной, национальной, дающей человеку возможность через быт увидеть бытие.

Образ северной деревни в произведениях современной детской литературы во многом зависит от той позиции, которую автор занимает по отношению к Северу. Северянин А. Ломоковский в повести «Я – Абакшин!» использует традиционную оппозицию «город – деревня» и сосредотачивает свое внимание на личном выборе главного героя, душа которого растет и формируется на особой благодатной почве бытовой и нравственной жизни северной деревни. Долгое время живший на Севере О. Бундур в повести «Лабиринт» решает про-

светительские задачи, создавая своеобразный художественный краеведческий учебник. В образе северной Кандалакши переплетаются современные городские и древние деревенские черты, однако последние мыслятся как необходимая основа для сегодняшней жизни. Обилие предметно-бытовых деталей, пейзажные образы, данные в связи с мотивом поморского труда, семейная и христианская темы призваны сформировать у юных читателей не только представление о Севере, но и уважение к миру, который и сам писатель может назвать второй родиной. Произведения авторов, лишь ненадолго соприкасавшихся с жизнью северной деревни, сближают ощущение ее как пограничного мира, существующего на грани чуда и реальности; мотив подлинности жизни в этом мире; внимание к художественным деталям, отражающим его этнокультурную самобытность, а также очарованность северорусским вариантом национального характера. Взгляд «со стороны» при этом может проявляться в авторской иронии и заострении тех самобытных и «экзотических» черт жизни северян, которые кажутся автору наиболее яркими и заслуживающими внимания читателя-северянина. Такое разнообразие подходов свидетельствует об устойчивом интересе современных писателей – авторов детского текста – не только к деревенской теме, но и к образу Севера в целом.

Современное литературоведение нечасто обращается к системному исследованию образа деревни в русской литературе XXI в., возможно, потому что сложно говорить сегодня о существовании деревенской прозы как литературного феномена.

Из работ обобщающего характера можно назвать статьи И.Н. Ивановой «Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка?» [9] и «Геопоэтика “новой северной прозы” в современной отечественной литературе» [8], В.Н. Баракова «От “деревенской прозы” к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров)» [3].

Особый интерес для нас представляют исследования, авторам которых топоним деревни видится важным элементом художественного мира Северного текста. Вспомним в связи с этим статью М.Н. Крыловой «Современная художественная литература о деревне: географический аспект» [10], в которой автор отмечает, что в современной литературе наиболее сильным сегментом, разрабатывающим деревенскую тему является Северный текст. Назовем также работу А.Г. Лошакова «Художественные маркеры Северного текста в повести М. Попова “Последний патрон”», где автор отмечает, что Северный текст «деревнецентричен» [14, с. 209].

Методология анализа образа деревни на материале конкретных произведений современной русской литературы апробируется в целом ряде трудов (например, статья О.Ю. Багда-

сарян «Деревня как “творческий хронотоп” современной прозы: (“Южно-русское Овчарово” Л. Белоиван)» [2]. Однако мы не нашли ни одного системного исследования, в котором бы рассматривался образ деревни в современной детской литературе или в Северном тексте современной русской литературы для детей. Исключения составляют рецензии на художественные произведения. Например, В. Толстов в статье «В заколдованном лесу» отмечает три общие тенденции современного литературного процесса, которые отражены и в романе И. Богатыревой: «мода на мистику», «Север, «Русский Север» как воплощение «тяги» писателей «к некоей подлинности, чистоте, честности, которую можно обрести, только удалившись куда-то далеко-далеко, на границу обитаемого мира» и «отшельническая проза» [20]. При этом критик видит сходство романа И. Богатыревой с такими произведениями современных авторов, как «Рымба» А. Бурковского, «Рюрик» А. Козловой, «Калечина-Малечина» Е. Некрасовой и др. Комплексное изучение образа деревни в произведениях для детей о Севере пока не проводилось, что свидетельствует о перспективности дальнейшего изучения данной темы.

Библиографический список

1. Авченко В.О. Дальневосточный текст А.С. Пушкина // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 1. С. 34–42.
2. Багдасарян О.Ю. Деревня как «творческий хронотоп» современной прозы («Южно-русское Овчарово» Л. Белоиван) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2020. № 1. С. 161–172.
3. Бараков В.Н. От «деревенской прозы» к прозе о деревне (Борис Екимов, Станислав Мишнев, Александр Киров) // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 51–53.
4. Богатырева И.С. Белая Согра. М., 2020.
5. Бундур О.С. Лабиринт. Кандалакша, 2017.

6. Востоков С.В. Прокопий Капитонов. М., 2020.
7. Галимова Е.Ш. Северный текст русской литературы: методология исследования // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск, 2017. Т. 1. С. 9–26.
8. Иванова И.Н. Геопэтика «новой северной прозы» в современной отечественной литературе // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 70–73.
9. Иванова И.Н. Деревенская проза в современной отечественной литературе: конец мифа или перезагрузка? Ч. 1 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). С. 88–94.
10. Крылова М.Н. Современная художественная литература о деревне: географический аспект // Studia Humanitatis. 2022. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-mn-sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt?ysclid=m35zi8f3zf239959732> (дата обращения: 31.10.2024).
11. Ларкович Д.В. «Югорский текст» как литературная реальность: к постановке проблемы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.
12. Ломковский А.В. Я – Абакшин! URL: http://elib.tendryakovka.ru/lomkovskiy_html/novel-01.html (дата обращения: 31.10.2024).
13. Лошаков А.Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера / сост., отв. ред. Е.Ш. Галимова, А.Г. Лошаков. Архангельск, 2017. Т. 1. С. 26–57.
14. Лошаков А.Г. Художественные маркеры Северного текста в повести М. Попова «Последний патрон» // Геопэтика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 9 / под ред. Е.Ш. Галимовой. Архангельск, 2016. С. 208–216.
15. Матонин В.Н. Образы «движения» и «цели» в Северном тексте русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6. С. 221–223.
16. Митрофанова А.А. Интертекст Северного текста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика: сборник научных статей. Серия: Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2011. С. 412–421.
17. Морозова К.И. Волжский текст: по течению к определению // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 2. С. 38–45.
18. Петров А.В. Топонимы как выразительное средство в Северном тексте // Филологическая регионалистика. 2010. № 1–2 (3–4). С. 48–53.
19. Пospelова О.В. Образ «полуночного солнца» в произведениях о Русском Севере А. Ремизова, М. Пришвина, Е. Замятина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 131–136.
20. Толстов В. В заколдованном лесу // Урал. 2021. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2021/3/v-zakoldovannom-lesu.html> (дата обращения: 08.10.2024).
21. Шульженко В.И. Дискурсионная классификация «Кавказского текста» // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 4. С. 181–184.

References

1. Avchenko V.O. A.S. Pushkin's Far Eastern text. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal*. 2019. No. 1. Pp. 34–42. (In Rus.)
2. Bagdasaryan O.Yu. The village as a “creative chronotope” of modern prose “South Russian Ovcharovo” L. Beloivan). *Ural Philological Herald. Series: Russian Literature of XX–XXI Centures: Directions and Trends*. 2020. No. 1. Pp. 161–172. (In Rus.)
3. Barakov V.N. From “village prose” to prose about the village (Boris Yekimov, Stanislav Mishnev, Alexander Kirov). *Nasledie Yu.I. Selezneva i aktualnye problemy zhurnalistiki, kritiki, literaturovedeniya, istorii: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii*. Krasnodar, 2015. Pp. 51–53. (In Rus.)
4. Bogatyreva I.S. *Belaya Sogra [White Sogra]*. Moscow, 2020.
5. Bundur O.S. *Labirint [Labyrinth]*. Kandalaksha, 2017.

6. Vostokov S.V. Prokopy Kapitonov [Prokopy Kapitonov]. Moscow, 2020.
7. Galimova E.Sh. Northern text of Russian literature: research methodology. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa*. E.Sh. Galimova, A.G. Loshakov (eds.). Arhangelsk, 2017. Vol. 1. Pp. 9–26. (In Rus.)
8. Ivanova I.N. Geopoetics of “new northern prose” in modern Russian literature. *Humanities and Law Research*. 2015. No. 2. Pp. 70–73. (In Rus.)
9. Ivanova I.N. Village prose in modern Russian literature: The end of the myth or a reboot? Part 1. *Philology. Teoriy & Practice*. 2013. No. 6 (24). Pp. 88–94. (In Rus.)
10. Krylova M.N. Contemporary fiction about the village: A geographical aspect. *Studia Humanitatis*. 2022. No. 1. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-mn-sovremennaya-hudozhestvennaya-literatura-o-derevne-geograficheskiy-aspekt?ysclid=m35zi8f3zf239959732> (In Rus.)
11. Larkovich D.V. “Ugra text” as a literary reality: To solve the problem. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019. Vol. 9. No. 1. Pp. 40–52. (In Rus.)
12. Lomkovskiy A.V. Ya – Abakshin! [I am Abakshin!]. URL: http://elib.tendryakovka.ru/lomkovskiy_html/novel-01.html
13. Loshakov A.G. Supertext and the Northern text of Russian literature. *Severnyj tekst kak logosnaja forma bytija Russkogo Severa*. E.Sh. Galimova, A.G. Loshakov (eds.). Arhangelsk, 2017. Vol. 1. Pp. 26–57. (In Rus.)
14. Loshakov A.G. Artistic markers of the Northern text in M. Popov’s novel “The last cartridge”. *Geopoetika Severa v russkoj literature i tekstah kul’tury narodov cirkumpolyarnogo mira. Pomorskie chteniya po semiotike kul’tury*. Vol. 9. E.Sh. Galimova (ed.). Arhangelsk, 2016. Pp. 208–216. (In Rus.)
15. Matonin V.N. Images of “movement” and “goals” in the Northern text of Russian culture. *Historical and Social Educational Idea*. 2013. No. 6. Pp. 221–223. (In Rus.)
16. Mitrofanova A.A. Intertext of the Northern text. *Geokulturnoe prostranstvo Evropeyskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sbornik nauchnykh statey. Seriya: Pomorskie chteniya po semiotike kul’tury*. Arhangelsk, 2011. Pp. 412–421. (In Rus.)
17. Morozova K.I. Volzhsky text: Flow to definition. *Semioticheskie issledovaniya*. 2023. Vol. 3. No. 2. Pp. 38–45. (In Rus.)
18. Petrov A.V. Toponyms as an expressive medium in the Northern text. *Philological Regional Science*. 2010. No. 1–2 (3–4). Pp. 48–53. (In Rus.)
19. Pospelova O.V. The image of the “midnight sun” in the works about the Russian North by A. Remizov, M. Prishvin, E. Zamyatin. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2017. No. 2. Pp. 131–136. (In Rus.)
20. Tolstov V. In the enchanted forest. *Ural*. 2021. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2021/3/v-zakoldovannom-lesu.html> (In Rus.)
21. Shulzhenko V.I. Discursion classification of the “Caucasian text”. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*. 2011. No. 4. Pp. 181–184. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 31.10.2024, принята к публикации 20.11.2024
The article was received on 31.10.2024, accepted for publication 20.11.2024

Сведения об авторе / About the author

Давыдова Алёна Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Alyona V. Davydova – PhD in Philology (Literature); assistant professor at the Department of Literature, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

E-mail: a.davidova@narfu.ru